

МАРИНА СТРУКОВА

## НА РУССКОМ ЛИХОМ ПОРУБЕЖЬЕ

(О поэзии Дианы Кан)

\* \* \*

Что связывает с Родиной? Вера, близкие люди, свой дом и клочок земли. Без этих личностных связей Родина становится для человека абстракцией, набором лозунгов, звенящих в пустоте, территорией в кайме границ. Поэзия Дианы Кан наполнена живыми связями с народом и государством Российским. Развал Советского Союза, отъезд из Средней Азии – всё это были потери того пространства, которое человек осознаёт как взрастившее, сформировавшее его как личность. Она начала писать стихи, ностальгируя по Востоку, постепенно осознавая себя поэтессой степного, казачьего края России.

*На Родину, которая до срока  
Сказала мне: “Вот Бог, а вот — порог!..”  
На Родину, которой одиноко,  
Спешу я, под собой не чуя ног.*

Мы наблюдаем обновление самоидентификации поэтессы, слышим её слова: “... наш народ, наш казачий народ”, а ведь мог быть и иной выбор – Диана Кан продолжала бы воспевать Восток. “Я черпаю вдохновение в своем азиатском детстве. Когда мне плохо, вспоминаю наш двор, огромную луну и согдианские – почти экваториальные! – огромные звёзды, деревья с их буйной листвой на фоне старинной заброшенной православной церкви, что стояла возле нашего дома. Я очень любила приходить туда, подолгу стояла под куполом. Там была совершенно особая атмосфера, я явственно слышала там музыку. И когда я пишу стихотворение, начинаю слышать эту музыку...”. Восточное начало было осмыслено, озвучено и преодолено. Азиатское принесено в жертву славянскому: “О, Согдиана, родина моя! / Я руку протяну, а ты отпрянешь. / И острие дамасского копья, / Обороняясь, в грудь мою направишь. / Но не спасёт усталый бог огня / Тебя, коль в нём еще остался разум, / Ни от стихов моих, ни от меня, / Ни от моих потомков сероглазых”. Но оно было и осталось в основе первых песенных прозрений и восторгов.

*Пятый день я сама не своя.  
Пятый день дует ветер с востока.*

*И шумят за окном тополя,  
и плоды наливаются соком.*

*И — щемлящая жалость и грусть  
к тем, когда-то покинутым, людям...  
И надежда на то, что — вернусь!  
И уверенность — встречи не будет...*

Евразийство, модное ныне, для Дианы естественно. И на мой взгляд, ранние стихи, где сильнее память о Востоке, — наиболее страстные и прочувствованные автором. Не могу не процитировать полностью один из лучших её текстов:

\* \* \*

*Мне в грудь вошла парфянская стрела  
И в полнолуние розой расцвела.  
И заполошный майский соловей  
Запел над розой о любви моей.*

*Пока цветёт стрела в груди моей,  
Плачь обо мне, согдийский соловей!*

Соловей согдийский, стрела парфянская, но страна, о которой плач, читателем воспринимается как Россия. Решающую роль в этом выборе главной поэтической темы, думается, сыграло православное вероисповедание:

*С тобой не страшно на костер и в прорубь...  
Ты — СЛОВО, возводящее на крест —  
Две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь  
Или врага разящий Божий перст?*

Но восточное уступило, на мой взгляд, не просто всеобщей русскости, а казачеству, этой нации-касте наших степных кшатриев. Казачья тема в российской поэзии представлена не широко. Есть только несколько поэтов, которых можно назвать казачьими. Тем интереснее видение казачества Дианой Кан. В её стихах разбросано много примет небезразличия к своим казачьим истокам вопреки “неказачьему имени” — поверье про праматерь яицких казаков бабушку Гугниху, за которую те всегда пьют первый тост. Воспоминание о Табынской иконе Божьей матери, унесённой в изгнание казаками атамана Дутова, “казацкая фуражка”, “есаульская шашка”, “казацья вольная степь”, образы героев, готовых защищать рубежи: “Покидаю родительский дом, / Мать родную, жену молодую... / Раздели со мной, батюшка-Дон, / Закордонную чару хмельную!” “Тогда хоть ты, чужда добру и злу, Луна (сиречь античная Диана), Взойди на небо, разгоняя мглу, Казачьим волчьим солнцем окаянным!” И, конечно, мне запомнилось: “Глядит с портрета — плакать не велит! — Мой дед-казак Андрей Степаныч Струков”...

Диане близки характеры мятежные, разгульные. Лихие витязи и удалые разбойнички, ищущие правду с оружием в руках, а не благонамеренные осторожные обыватели.

Жительница раздольного степного края, она уловила вольный дух русского порубежья, древней Засечной черты, где привычна опасность и готовность отразить её, где и сам народ порой восставал против ига власти. И пусть прежние угрозы ушли в былое, появились иные, более изощрённые. Идёт война духовная...

*...От Стеньки до Емельки Пугачева  
в разбойных песнях грусть-тоску беречь...  
Да не осудит таковое слово  
Принесший нам с небес не мир, но — меч!*

*Среди спаленных удалю раздолий,  
промеж идущих с тесаками в ночь  
презрен, кто не до пугачевской ВОЛИ,  
а лишь до кладов Разина охоч!*

Время личное и время историческое перекликаются и вновь расходятся в стихах Дианы Кан. Она внимательна к его приметам. Тема уходящей юности, тема перемен в обществе. Что может успеть совершить человек за свою жизнь, что зависит от него в период присутствия на этой земле и в этом государстве? Диана требовательна к себе и к людям, она провоцирует, вызывает читателя из марева апатии, требует честной оценки реалий. Это поэзия действия – резкого жеста, решительного шага, настоящего дела, которыми выражаются любовь или неприязнь: “Стою, озирая родные просторы, / И с Богом беседу веду: / – О, дай же мне, Господи, точку опоры – / Что перевернуть, я найду!”

У Дианы много изысканных сравнений и образов: и живого дыхания красенская роза, и льняная вьюга, которую можно, как оренбургский платок, протянуть через кольцо, и ледяная империя русских просторов. Ну разве не доставляет читателю эстетическое наслаждение такая картина: “Здесь сугробы, как волны Босфора, / и кровавая в небе луна. / И ознобным восторгом простора / оренбургская полночь полна. / Закипают лазурные слезы / на глазах, устремленных к луне. / И цветут белоснежные розы / на моем индевелом окне”. Банальная рифма “розы – слёзы” вдруг возвращает себе свежее снежное звучание, словно была найдена впервые. Поэт, чуткий к слову, может так подобрать образы и созвучия, что будет всё, как внове. “Зимние” стихи Дианы особенно богаты такими жемчужинами: “Да, это мы – стрибожьи внуки-ветры, вернувшиеся из гиперборей, впитавшие шальные километры, медвежий рев арктических морей”. Какая мощь, шум волн и грохот прибоя подступают от чередования букв “ш”, “г”, “р”, прорываются в последней строке, являя нам ледяную стихию! Зимняя тема в поэзии Дианы Кан ещё ждёт своих исследователей-критиков. Как и перекличка её стихов со стихами мужа – Евгения Семичева, диалог двух поэтов, где и страсть, и спор, и ревность, рознь и единство двух ярких индивидуальностей... – целая гамма сложных чувств.

Для поэта его имя и фамилия зачастую становятся поводом для расшифровки собственного характера, судьбы. Помните цветаевское “... мне имя – Марина, / я брэнная пена морская... Сквозь каждое сердце, / сквозь каждые сети / Пробьется мое своеволье”. И своему имени поэтесса объяснимо уделила внимание, Диана – богиня Луны, богиня трёх дорог – это имя толковалось как знак тройной власти: на небе, на земле и под землёй: Загадочное: “Я, пустившая по миру имя, / многоликой подобна луне...”; сетующее: “... Печальная луна / – Дианочка-Диана, / замужняя жена. / Нам, человечьим жёнам, / Господь наш попустил / быть светом отражённым / неласковых светил”; вызывающее: “Строптивая, как правда, поэтесса, / Которую зовут Диана Кан”; задумчивое: “Он все твердит: “Вы нынче, ну и ну, / похожи на озябшую луну / с полотен несравненного Россо...”; философское “Отрешённый зов луны-Дианы / Пересилил солнечный привет?...” ... Соответствует это имя и Артемиде-охотнице. В римских провинциях под именем Дианы почитали местных духов – “хозяек леса”. И странствия, и одушевленная природа присутствуют в её поэзии, словно эхо этих древних значений:

“По камням, по стерне и по болотинам, / По угольям изошедших светом звёзд / – Неужели это мною было пройдено / Тьмы и тьмы непроходимых русских вёрст? / Мимо тучных заливных лугов некошенных, / Мимо вскачь и вдаль несущихся веков... / Неужели это мною было сношено / Ажно десять пар несносных башмаков?”

Корейская фамилия тоже зазвучала символично, открыв своё значение: “Испив из речки, восклицали: “Кан!..”, / Что означало “кровь” на их наречье. / И каплей крови прорастал тюльпан / – Свидетель евразийской страшной сечи. / А рядом, скорбной розни вопреки, / Проклятой розни – тюркской и славянской, / На берегу сибирской Кан-реки / Рос в небо город, наречённый Канском”.

В каждом уголке мира свои мифы и свои песни. Степь, пустыня, горы, мегаполисы и селенья – эргегоры этих мест влияют на авторов независимо от того, какой стиль они используют. Ландшафт малой родины, его смысловая

насыщенность и символика – местные предания, природные особенности, названия городов и рек создают неповторимый колорит каждого края, который отражается в творчестве. Это внимание к природе и духу окружающих пространств определяется термином “геопоэтика”, как и тот пейзаж, что пишется автором не с натуры, а создаётся с нуля – сказочно-мифологический ли, абстрактно-урбанистический... Интересно, что в работах Дианы Кан меньше людей, чем оживленных её фантазией, очеловеченных рек и городов, с которыми её лирическая героиня общается. Мир её скорее былинный, где можно взывать к родным просторам, и они откликнутся: “О том, что жизнь не оказалась гладью / И что любовь земная так горька, / Рыдала я над волжской быстрядью: /”Прими обратно, матушка-река!..” “Не топиться, а родниться / С Волгой-матушкой спешу!..”, “Молчанью учусь у пустыни, / А пенью у Волги-реки. / Ей сердце вручила навеки / Своё – не за стать, не за прыть. / За то, что строптивые реки / Умеет она приручить”. И как в Венеции венчались с морем, “Ты, Урал-Яик, в глубине таишь / Дар венчальный мой / – перстень яшмовый. / Ты его храни, сквозь него теки. / Разлучают нас – зря стараются!”.

В поэзии Дианы Кан дышит, меняется, радует человека русская природа в своём бесконечном многообразии. Оттеняет и подчёркивает идеи и настроения. Чувственно-звуковая палитра текстов напоминает яркие краски малявинского хоровода, узорочье билибинских иллюстраций, былинный размах васнецовских полотен. А здесь сочетание красок природы периховское:

*Ликует Анталия. Нежится Ницца...  
И только у нас в безрассудстве своём  
Закатное небо меж туч кровянится,  
И месяц серпом проступает на нём.*

*Есть галльское небо в изящном плюмаже  
Несущихся за горизонт облаков.  
Есть гуннское — цвета мерцающей сажки,  
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.*

*Античное небо, какому не внове  
Пить воду с лица средиземных морей...  
И — скифское — цвета запёкшейся крови,  
Закатное небо Отчизны моей.*

А что-то напоминает японскую живопись с резкими штрихами тушью на туманном фоне: “Сбежавшая с картины Хокусаи / (Да так, что ветер взвизгнул за спиною!), / Я в русских несуразных снах витаю, / И дым печной клубится надо мною”.

Диана Кан – талантливая переводчица. Для этого занятия нужна не только хорошая техника стихосложения, но и способность ощутить музыку чужого поэтического космоса, уловить его потаённые токи, передать читателю. Диана перевела множество стихов тувинской поэтессы Лидии Иргит, вложила туда часть души, поэтому сначала мне показалось, что стихи эти её собственные, и только гадала, когда Диана могла жить в Туве? “Монгун-Тайга, я женщина-скала. Твоим высоким скалам я сестра” – перекликается с образом Дианы Кан: “Пусть знает за плечом моим страна, что я – её Китайская стена”. Но образ этот глубже “сестры скал” Лидии Иргит, ибо точнее раскрывает судьбу человека в соотношении с судьбой страны.

Блок, любимый поэт Дианы Кан, когда-то писал: “Стоит передо мной моя тема, тема о России. Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь”. И для Дианы эта тема – главная, любимая: “...Россия – странная страна... / В трудах земных измаясь, / по небу странствует она, / о звезды спотыкаясь”. “Самолучшее в мире богатство – Родимая матушка-Русь!”, “никто на Руси не забыт, И ничто на Руси не забыто!”, “Всесильная, словно пароль, / Исконная песня России”, “Спит Россия... Россия устала. / Отдохни, чтоб проснуться – собой!”, “Вдали от многолюдных перекрестков/ постигла я на стылых сквознях / кровавый привкус русского вопроса / на опаленных временем губах”...

Но в гражданской лирике Диана не повторяет вечный мотив сонма плакальчиков по униженной врагами стране. В её стихах упрямство и вызов, уп-

рѣк и победный гимн сильного человека, уверенного в том, что правда за ним и его Отечеством. Образы воинов, богатырей повсюду в стихах, как идеал и лучшее, что есть у народа. И сама она воин, но и прекрасная женщина, любящая своего героя.

В лучших текстах Дианы Кан присутствует та смысловая целостность, которая создаёт эффект достоверности, вызывает у читателя понимание и сопереживание. А присутствие тем священных, сакральных – смерти, бога, крови – выводит их за пределы повседневности.

*К священному прикиши изголовью,  
к отверстой ране припадая всласть,  
упейтесь золотой славянской кровью,  
что хлещет вам в оскаленную пасть.*

*Удавка — ересь чёрная — змеится.  
Скорбят берестяные письма.  
Георгия победная десница  
с карающим копьём занесена.*

*Покуда медлит, наклонившись низко,  
калёное имперское копье,  
вампируйте, исчадья василиска,  
превознося ничтожество своё!*

Народ – это сплав индивидуальностей, чьи портреты работы Дианы Кан реалистичны и отличаются глубоким психологизмом, ненавязчиво-тёплым колоритом красок. Хотя есть и несколько жестких ироничных характеристик для оппонентов. Но чаще она доброжелательно-вдумчиво всматривается в лица своих героев и их внутренний мир. Юная ли это принцесса Фике, ощутившая свою власть, или удалой атаман Бубенец, девочка-узбечка Тульганой, угощающая гостью, или русская девочка, которая на полустанке раздаривает цветы вместо того, чтобы продавать.

... Стихия, укрощённая поэтическим даром, превращается в стихи, но и сами они пробуждают незримые энергии в душе читателя, заставляя сильнее прочувствовать личное отношение к миру, вере и цели.